

М. П. Садовскій.

(Некролог).

Скончался Михаилъ Прововичъ Садовскій... Прекратилась жизнь выдающагося дарованія, угасла одна изъ крупнѣйшихъ силъ московскаго Малаго театра, въ своей иркой и своеобразной индивидуальности совершенно незамѣнимая.

Слишкомъ сорокалѣтняя сценическая дѣятельность покойнаго протекала въ Москвѣ. Здѣсь онъ впервые выступалъ на сценѣ, здѣсь онъ и закончилъ свое славное артистическое поприще.

Сынъ знаменитаго Прова Садовскаго, покойный М. П. выросъ и воспитался въ атмосферѣ, въ высшей степени благоприятной развитію его замѣчательнаго дарованія. Въ ихъ домѣ почасту бывали такія литературныя силы, какъ Островскій, Писемскій и др.; талантъ и сценическое обаяніе отца служили яркимъ и нагляднымъ примѣромъ сыну въ его намѣчавшейся сценической дѣятельности. Первый шагъ былъ сдѣланъ на сценѣ извѣстнаго въ свое время московскаго «Артистическаго Кружка» въ 1867 году. Уже чрезъ два года М. П. дебютируетъ въ Маломъ театрѣ въ «Тяжелыхъ дняхъ» Островскаго (Андрей Брусковъ).

«Онъ стоитъ на узкой дорогѣ, съ которой трудно сбиться»,—такъ оцѣнивали молодого артиста современники его перваго дебюта. И дѣйствительно, перодъ П. М. съ этого момента начинаетъ развѣртываться «вѣрная дорога», длинный сценическій путь, путь творчества, бравшаго свои лучшіе соки непосредственно отъ жизни и создававшаго яркіе и правдивые образы живой дѣятельности; это было въ полномъ смыслѣ художественное творчество, отвѣчавшее требованіямъ и традиціямъ здороваго сценическаго реализма, вѣрно и добросовѣстно продолжавшее художественное дѣло Садовскаго-отца.

Талантъ М. П. Садовскаго, находилъ наиболѣе благоприятную почву въ бытовой комедіи. Стоитъ лишь указать на репертуаръ Гоголя и Островскаго и вспомнить выступленія М. П. въ пьесахъ обоихъ этихъ

литераторовъ, чтобы сразу возникла передъ глазами галерея неподражаемыхъ жизненныхъ образовъ. И едва ли не самымъ крупнымъ и наиболѣе художественно выполненнымъ образомъ въ передачѣ М. П. Садовскаго была роль Хлестакова. Другой коронной ролью покойнаго была роль Подхалюзина, одна изъ лучшихъ въ репертуарѣ и отца его, Прова Садовскаго. Она перешла къ сыну непосредственно отъ отца, переданная послѣднимъ въ дебютное выступленіе М. П. на сценѣ Малаго театра 17-го октября 1869 года. Въ послѣдовавшемъ за первымъ дебютомъ рядѣ ролей должны быть отмѣчены: Андрей Тивычъ (второй дебютъ,—бенефисъ Прова Садовскаго), Загорѣцкій, исполненіе котораго, по отзыву театральнаго критика того времени, создавало «совершенно живое и замѣчательно типичное лицо», Бородкинъ («Не въ свои сани не садись»), Буровинъ («На порогѣ къ дѣлу»).

Выдающийся успѣхъ въ роли Андрю Бѣлугина въ 1877 году окончательно упрочилъ за М. П. репутацію первокласснаго представителя русскаго сценическаго искусства. Публика увидала передъ собой большаго артиста, вполне овладѣвшаго мастерствомъ сценическаго перевоплощенія и ставшаго по праву въ первомъ ряду артистическихъ силъ Малаго театра.

За 40 лѣтъ своей сценической дѣятельности М. П. далъ рядъ крупныхъ художественныхъ созданій. Садовскій-Хлестаковъ, Садовскій-Мурзавецкій («Волки и овцы»), Садовскій-Аркашка («Лѣсъ») останутся вѣчно памятными въ лѣтописяхъ русскаго театра. Надо замѣтить, что исполнителями первой изъ этихъ трехъ ролей были до М. П. Садовскаго въ Маломъ театрѣ такія силы, какъ Шумскій, Самаринъ, Васильевъ; роль Аркашки вылилъ въ законченную, почти «традиціонную» форму также Шумскій. И воспоминанія объ этихъ образцовыхъ исполнителяхъ, тогда еще живыхъ, нисколько не умалили силы художественнаго впечатлѣнія, воспринятаго отъ исполненія ихъ преемника. Изъ этихъ ролей двѣ—Счастливецъ и Мурзавецкаго—стали любимыми въ репертуарѣ покойнаго М. П. Роль Мурзавецкаго онъ, между прочимъ, сыгралъ и въ свой

двадцатипятилѣтній юбилей 13-го января 1895 г. Наконецъ, еще одна роль въ томъ же репертуарѣ Островскаго, позднѣйшая по времени, должна быть отнесена къ ряду крупнѣйшихъ созданій таланта М. П. Это—роль студента Мелузова въ «Талантахъ и поклонникахъ» (1881 г.).

Являясь по характеру своего таланта преимущественно изобразителемъ ролей русскою бытовой комедіи, покойный М. П. однако съ большимъ успѣхомъ выступалъ также и въ пьесахъ западно-европейскаго репертуара.

М. П. Садовскимъ переведено много пьесъ (въ томъ числѣ «Севильскій цирюльникъ», «Эдипъ» Софокла, «Федра» Расина) и написано нѣсколько разназовъ на бытовые темы и изъ міра актеровъ.

Лишь въ прошломъ году, 17-го октября, торжественно чествовался 40-лѣтній юбилей службы М. П. Садовскаго на сценѣ Малаго театра. Чествованіе не было официальнымъ. Тѣмъ горячѣе и искреннѣе были оваціи, ярче и грандіознѣе вышла самая картина привѣтствій публики и почитателей.

Въ Москвѣ появился и расцвѣлъ талантъ М. П. Садовскаго и Москвѣ же предстоитъ хоронить своего любимаго артиста. Скончался М. П. въ ночь на 26-е іюля у себя въ домѣ, въ Мамоновскомъ переулкѣ, отъ удара.

Е. Ф.

У гроба М. П. Садовскаго.

Небольшая группа пришедшихъ почитать память усопшаго артиста сиротливо жметя у стѣны и входной двери. Среди нихъ—два—три бритыхъ лица сотоварищей по театральнымъ подмосткамъ; нѣсколько литераторовъ. Недалекъ отъ гроба—семья и родные покойнаго. Больше никого нѣтъ. Свѣтъ горящихъ восковыхъ свѣчей, смѣниваясь съ заглядывающимъ въ огна вечернимъ освѣщеніемъ, гармонируетъ съ тихими печальными напѣвами и съ сосредоточенными лицами присутствующихъ. Взоръ невольно приковывается къ гробу. Лицо усопшаго тоже сосредото-

точно-серьезно: на немъ какъ бы застыла глубокая неразрѣшенная дума. Это—совсѣмъ новое лицо, такъ непохожее на тѣ изумительныя живыя лица, которыя создавалъ на сценѣ Малаго театра незабвенный Михаилъ Прововичъ и которыми онъ покорялъ московскую публику.

Предъ умственнымъ взоромъ проходятъ Аркашка, Мурзавецкій, Подхалюзинъ, Хлестаковъ... Каждый—исходивъ въ своемъ родѣ. Мурзавецкій входитъ развязной походкой; онъ еще ничего не сдѣлалъ, ничего не сказалъ; но театръ стонетъ отъ смѣха. Стоитъ только взглянуть на эту пыловатую фигуру въ первый же моментъ ея появленія на сценѣ, и вы инстинктивно угадываете ея внутреннее убогое содержаніе. А потомъ во все время дѣйствія взоры публики неотрывно слѣдуютъ за движеніями артиста. Ничего подчеркнутаго, ничего умывленнаго выдвинутаго, грубаго, ничего блестящаго на эффектъ, и однако каждая фраза сопровождается неудержимымъ хохотомъ. Такова огромная сила истиннаго таланта. Какая удивительная смѣсь лицъ и положеній! Подхалюзинъ, смиренно стоящій за спиной хозяина; и тотъ же Подхалюзинъ, самъ уже въ роли хозяина, съ трубкой въ рукахъ и, развалившись на креслѣ, торгующійся небрежнымъ тономъ о лятахъ на рубль; Хлестаковъ, униженно выпрашивающій у половаго обѣдъ и затѣмъ куражащійся у городничаго передъ трибунами-чиновниками; Аркашка, любящаяся съ Улитой, Мурзавецкій, зовущій своего сеттера; а далѣе—Тихонъ, склонившійся надъ трупомъ Катерины, Мелузовъ, говорящій на вокзалѣ погодующую рѣчь. Все это—разныя лица, разныя гаммы чувствъ и переживаній. И однако вы нигдѣ не чувствуете фальши, невѣрнаго тона. Все просто, обыденно,—то, что вы встрѣчаете на каждомъ шагѣ; но за этой обыденщиной таятся и глубокія переживанія, и когда они прорываются наружу, съ ними сквозь гущу смѣха пробиваются слезы.